

то покрыта рѣдкими кустиками уродливой бударганы. Узкою полосой по берегу рѣки, да возлѣ многочисленныхъ ключей, растеть кустарникъ *бала-мото* (*Muricaria alopecuroides*), который восходитъ почти до 13,000 фут. абс. выс., но имѣеть здѣсь не болѣе двухъ футовъ вышины; по среднему теченію Найджинь-гола тотъ же кустарникъ дѣлается ростомъ въ 5—6 футовъ и его нерѣдко обвиваетъ *ломносъ* (*Clematis* sp.); кромѣ того здѣсь появляется сильно колючая *облепиха*, а отъ 11,500 фут.— *Hedysarum* и *Ephedra*; еще футовъ на тысячу ниже, при выходѣ изъ горъ, встрѣчается уже растеніе пустыни—*Calligonum mongolicum*.

Хребетъ
Торай.

По сѣверную сторону Найджинь-гола стоитъ хребетъ Торай и образуетъ, подобно Бурхань-Будда съ его западными продолженіями, наружную окраину тибетскаго плато, къ сторонѣ Цайдамской равнины. Онъ нигдѣ не достигаетъ снѣговой линіи, но дикъ и скалистъ, хотя скалы въ обилии появляются лишь внизъ отъ 12,000 футовъ, гдѣ вѣчныя бури и непогоды Тибета уже не хватаютъ съ такою силою, какъ на самомъ нагорьѣ. Преобладающими горными породами по Найджинь-голу служатъ, въ верхнемъ и нижнемъ поясѣ описываемыхъ горъ, темный доломитъ, а близъ устья р. Шуга—слюдосодержащій глинистый сланецъ. Помимо скалъ, горные скаты глинистые, совершенно безплодные.

По распроснымъ свѣдѣніямъ, хребетъ Торай тянется на западъ до р. Уту-мурени; только западныя его части принимаютъ названія сначала Юсунъ-обо, а потомъ Цаланъ-нирѣ. За Уту-муренью, по тѣмъ же распросамъ, горная тибетская окраина, быть можетъ, мѣстами двойная или тройная, продолжается попрежнему къ западу такъ далеко, какъ тянутся равнины Цайдама—вѣроятно до соединенія съ системою Алтынъ-тага.

Идемъ внизъ
по Найджинь-
голу.

Заплативъ двумя брошенными верблюдами дань и хребту Гурбу-найджи, мы спустились отсюда на р. Найджинь-голу. Мѣстность понизилась на 12,500 фут.; стало гораздо теплѣе; ходить сдѣлалось легче. Юрту свою мы могли топить теперь дровами и спать безъ удушья, столь обыкновеннаго на высотахъ Тибета. Для животныхъ появился хорошій кормъ, которымъ они наѣдались до невозможности. Только тибетскія лошади, отъ роду не видавшія кустарниковъ, безпрестанно пугались ихъ, пока черезъ нѣсколько дней не привыкли къ подобному чуду.

Въ день выхода на Найджинь-голу, роздана была казакамъ послѣдняя порція дзамбы; рису, съ которымъ варился супъ, осталось также лишь нѣсколько горстей. На продовольствіе охотою теперь уже нельзя было рассчитывать; поэтому я отправилъ впередъ двухъ казаковъ розыскивать монголовъ, которые, по словамъ нашего вожака, должны